

Презумпция знания уголовного закона и права человека

конституционные положения, опубликование законов, проблематика прав человека, порядок опубликования законов, нормы уголовного законодательства, презумпция знания уголовного закона, вина, ответственность, эффективность уголовного правосудия, конституционность уголовно-правовых норм, посягательства на права человека

П. Н. Панченко

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Нижегородского филиала Государственного университета – Высшей школы экономики, руководитель Секции по уголовно-правовым вопросам Научно-консультативного совета при Нижегородском областном суде

Одна из столбовых дорог развития правовой науки – исследование проблем логики права. Право, как минимум, должно быть логичным. Но оно должно быть таковым не односторонне, а всесторонне, в том числе не только в формальном, но и в содержательном смысле. Только тогда оно с большим или меньшим эффектом может отвечать своему изначальному назначению – регулировать общественные отношения, а именно саму нашу жизнь, включая жизнедеятельность людей, организаций, учреждений, государства, и тем самым раскрывать и пополнять арсенал прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, делать эти общечеловеческие блага понятными, нужными, по настоящему доступными людям и реально функционирующими. Лишь в этом случае регулируемая правом жизнь получает шанс развиваться, улучшаться, обретать все более совершенные формы, разрабатывать и осваивать передовую технику, лучшие в мире технологии, эффективные средства любой положительной деятельности, в том числе деятельности по удовлетворению растущих потребностей людей, по восхождению всех нас к более совершенным формам цивилизованности и прогресса, а следовательно, и к совершенст-

вованию нашей собственной (общечеловеческой) природы, нашей сущности, предназначенности в этом мире.

Но каким бы логичным не был закон, в том числе по форме и содержанию, если он применяется плохо, то и результат может оказаться нулевым – если даже не со знаком «минус». С другой стороны, самый несовершенный закон может быть применен настолько в правовом отношении правильно, что эффект от этого превзойдет все ожидания. Так, применяя законы царской России, во многом несовершенные и даже, можно сказать, примитивные, великий юрист своего времени А. Ф. Кони (1844–1927 гг.), председательствовавший в суде присяжных, оправдал народницу Веру Засулич (1849–1919 гг.), покушавшуюся в 1878 г. на жизнь петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова – в связи с тем, что последний приказал высечь политзаключенного, близкого друга В. И. Засулич. Тяжело раненный высокопоставленный чиновник тоже по-своему «оправдал» террористку, заявив посетившему его самодержцу Николаю II: «Эта пуля предназначалась Вам, Ваше Величество...», имея в виду общую тяжелую ситуацию в тогдашней России с правами и свободами людей. Вот почему и *применение* закона должно быть строго логически выверенным – как в сугубо процессуальном смысле, так и в смысле направленности и силы правового воздействия, порядка назначения и исполнения санкций и т.д.

Самая блестящая логика закона «смазывается» и в том случае, когда закон, вопреки всякому здравому смыслу, применяется несвоевременно, в том числе до того, как с ним ознакомились люди, которые должны его соблюдать. Поэтому Конституция РФ в п. 3 ст. 15 закрепила положение, состоящее в том, что законы подлежат официальному опубликованию, а неопубликованные законы не применяются. Как гласит далее данный конституционный пункт, любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

Но здесь возникает, как минимум, восемь довольно существенных вопросов.

Первый вопрос заключается здесь в том, что Конституция РФ различает, во-первых, официальное опубликование законов *как таковое* (то есть *собственно* официальное опубликование законов) и, во-вторых, официальное опубликование законов *для все-*

общего сведения. Что такое первое и что такое второе, Конституция не разъясняет, относя это к ведению теории, к компетенции юристов-аналитиков. На наш взгляд, приоритет здесь должен быть отдан официальному опубликованию законов *для всеобщего сведения*, то есть такому опубликованию законов, в результате которого у людей появляется принципиальная возможность ознакомиться с ними. Но вполне понятно, что наличие у людей самой принципиальной возможности ознакомиться с законами еще не означает, что люди на самом деле с ними знакомятся, что они действительно становятся сведущими в соответствующем правовом отношении, реально их знают и понимают, готовы к ним прислушиваться, в том числе соблюдать их.

Второй вопрос состоит здесь в том, что если официальное опубликование *как таковое* наша Конституция относит только к законам, то официальное опубликование *для всеобщего сведения* – к *любым* нормативным правовым актам, то есть не только к законам, но и к указам Президента, постановлениям Правительства, документам правоустанавливающего характера министерств, ведомств, других субъектов правотворчества. Полагаем, что и в том, и в другом случае надо иметь ввиду именно *любые* правовые нормативные акты (а не только законы в собственном их понимании).

Третий вопрос заключается в том, что возможность применения *любых* нормативных правовых актов увязывается в Конституции РФ с их официальным опубликованием *для всеобщего сведения* только в том случае, если эти (*любые*) акты (как законы, так и иные правовые нормативные акты) *затрагивают права, свободы и обязанности человека и гражданина*. Следовательно, Конституция РФ исходит из того, что *есть* правовые нормативные акты, которые *затрагивают* права, свободы и обязанности человека и гражданина, а *есть* такие акты данного рода, которые таковых *не затрагивают*. Но существуют ли в природе такие правовые нормативные акты, которые *не затрагивают* права, свободы и обязанности человека и гражданина? Полагаем, что такие не существуют. Какие бы отношения акт не регулировал, он всегда «выходит» на права, свободы и обязанности человека и гражданина. Эта очевидная истина также требует внесения соот-

ветствующих коррективов в наш Основной закон и в базирующееся на нем законодательство.

Четвертый вопрос заключается в том, что законы по-разному могут *затрагивать* права, свободы и обязанности человека и гражданина. В одних случаях законы могут расширять их круг, в других – ограничивать. Кроме того, важно различать, с одной стороны, расширение или ограничение круга *прав и свобод* человека, а с другой – расширение или ограничение круга его *обязанностей*. Если законы *расширяют* права и свободы человека, то применение их может и не связываться (во всяком случае, напрямую) с их опубликованием, а если права и свободы *ограничиваются*, то в этом случае опубликование законов *должно* рассматриваться в качестве неременного условия их применения. Иной подход должен быть при расширении или ограничении *обязанностей* человека. Если обязанности *ограничиваются*, то такое ограничение может быть допустимым и до опубликования законов, а если они *расширяются*, то в этом случае опубликование законов должно быть обязательным условием их применения.

Пятый вопрос состоит в том, что Конституция в п. 3 ст. 15, указывая на права, свободы и обязанности человека и гражданина, ничего не говорит о *законных интересах* людей, то есть о таких их благах, которые, хотя и находятся за рамками прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, но не расходятся ни с какими правовыми требованиями. Например, ни у кого из нас нет такого права, как диктовать свои условия средствам массовой информации (что им печатать, что рассказывать, показывать и т.д.), но у всех нас есть законные интересы, состоящие, в частности, в том, чтобы в газетах, журналах, по радио и телевидению было меньше всяких бессодержательных материалов и больше давалось многообразной, интересной и полезной информации – информации о людях, событиях, происшествиях, достижениях в области экономики, культуры, искусства и т.д. Например, по радио такая информация в последние годы почти вообще не проходит (за исключением разве что трехминутных новостей и кратких сведений о погоде) – если, разумеется, речь не идет о Москве или Санкт-Петербурге, где радио продолжает еще сохранять свои позиции средства массовой информации. На периферии же по радио звучат в основном легковесные песенки (например, типа

«...там сидела мурка...», «...сегодня мы с тобой кайфуем...» и т.д.), шутки, прибаутки, анекдоты, предложения подумать и сообщить в радиостанцию по телефону о том, что такое «шуры-муры», «ширли-мырли», «фигли-мигли», «шалтай-болтай» и т.д.

Или еще пример. У погорельцев жаркого лета 2010 года нет правовых оснований (по крайней мере, довольно твердых) требовать от государства компенсации ущерба и помощи в связи с гибелью близких людей и сгоревшими домами, а заодно и сараями, гаражами, банями, машинами, скотом и т.д., но у них есть законный (в смысле непротиворечивости закону) интерес в том, чтобы, оказавшись без жилища и средств к существованию не погибнуть (на этот раз – от голода и холода) в предстоящую морозную зиму десятого-одиннадцатого годов, чтобы, рассчитывая на гуманность государства, получить от него в связи с вышеназванными страшными событиями необходимую и быструю помощь.

Шестой вопрос заключается в том, что Конституция РФ говорит только об *одной* форме реализации права – о *применении* правовых установлений. Но, кроме применения правовых установлений, есть еще, как известно, и такие формы их реализации, как их соблюдение, использование и исполнение. Неясна позиция Конституции в отношении этих других трех форм правореализации. Новая редакция п. 3 ст. 15 Основного закона должна прояснить, как мы полагаем, и этот вопрос.

Седьмой вопрос состоит в том, что применение применению – рознь. Можно только догадываться о том, что в Конституции РФ речь идет о применении *санкций*, а не, скажем, *дозволений* или *поощрений*. Этот вопрос тоже нуждается в более четком решении. Нужна полная ясность в том, каким, грубо говоря, своим «боком» должны в данном случае применяться (или не применяться) к нам законы. Если речь идет о *дозволениях* и *поощрениях*, то, как мы полагаем, применение их *не должно* напрямую связываться с официальным опубликованием (или не опубликованием) нормативных правовых актов.

Наконец, *восьмой вопрос* состоит в том, что *вообще* следует понимать под официальным опубликованием закона. Судя по всему, под официальным опубликованием закона, в том числе под официальным его опубликованием *для всеобщего сведения*, Конституция РФ понимает самое обычное размещение текста закона в

наших официальных изданиях, а именно в «Российской газете», «Парламентской газете» и «Собрании законодательства Российской Федерации». Но эти издания публикуют законы с разной степенью оперативности. Первое издание публикует законы достаточно быстро, второе – медленнее, а третье – еще медленнее.

Вышеназванные издания характеризуются и разной степенью распространяемости. Если степень распространяемости первого издания условно принять за 100 %, то аналогичный показатель второго издания будет составлять примерно 10 %, а третьего – и того меньше (порядка одного процента). Реальная же степень распространяемости «Российской газеты» составляет, конечно же, не 100 %, а, по самым выгодным для этого издания подсчетам, примерно одну десятую (если не одну сотую) процента.

Но буквальный смысл слова «опубликование» состоит, повторяем, не в том, чтобы где-то что-то было напечатано, даже если соответствующий текст размещается в *официальном* издании и с указанием «для всеобщего сведения», а в *обнародовании* текста, то есть в *реальном* ознакомлении с ним граждан, поставленных под соответствующий правовой контроль, а также в реальном ознакомлении должностных лиц, призванных по долгу службы осуществлять такой контроль. И здесь одного размещения текста закона в официальном издании, конечно же, мало. Надо еще напечатанный текст закона *реально* довести до всеобщего сведения.

Как это сделать? Ну, конечно же, надо, как минимум, *вручить* текст закона каждому гражданину. Но и этого было бы недостаточным. Вместе с вручением гражданину официального текста закона надо еще и разъяснить ему назначение, смысл, содержание этого документа. Важно также подготовить и издать *официальный комментарий* закона, организовать систему консультирования граждан (лучше всего, если эта система будет постоянно действующей), в особенности тех граждан, которые поставлены под особый правовой контроль государства (служащие, в том числе должностные лица, руководители организаций и др.), а заодно и сотрудников правореализующих органов. Только тогда правовое государство будет иметь моральное (и юридическое, понятно, тоже) право требовать от граждан соответствующего правопослушания, а от сотрудников правореализующих органов – соответствующих правовых действий по реализации новых законопо-

ложений, в том числе по применению санкций этих законоположений – в случае нарушения их.

И здесь возникает еще и вопрос о том, а соответствует ли букве и духу Конституции РФ установившаяся практика, в соответствии с которой подавляющее большинство новых законоположений вводится в действие *со дня их опубликования*. Полагаем, что такая практика *в корне* не соответствует Конституции РФ. Ее надо менять, предоставляя гражданам и правоприменителям время, в течение которого те и другие могли бы, образно говоря, найти между собой общий язык – в понимании правовых нововведений. С учетом характера нововведений срок этот может быть разным – в общем диапазоне от одного месяца до трех лет.

Особо остро все эти вопросы проявляются в сфере действия *уголовного* законодательства, которое, как известно, характеризуется наиболее высокой степенью строгости. Нельзя человека сажать в тюрьму за несоблюдение закона, которого он не знает и, в силу сложившейся у нас правовой (точнее – не вполне правовой или даже вовсе неправовой) действительности, знать не может. Конечно, есть известное неписанное правило, состоящее в том, что незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение, но оно адресовано, конечно же, не к тем людям, которые, в силу тех или иных извинительных обстоятельств (длительная зарубежная командировка, продолжительное нахождение на лечении за рубежом, другие подобные обстоятельства), не знакомы с теми или иными новыми законоположениями, а к тем, которые... только, грубо говоря, прикидываются несведущими в правовых вопросах, а на самом деле все в них хорошо знают и понимают.

Проблема здесь, однако, все же есть. Мы имели возможность опросить сто студентов (неюридических, понятно, специальностей) относительно их представлений об уголовном законодательстве. Оказалось, что Уголовный кодекс видел («в натуре») только один опрошенный – и то только потому, что оказался причастным к нарушению правил дорожного движения – в связи с чем следователь показал ему «эту книжку» (зачитывая соответствующую статью из нее).

Таким образом, надо прямо сказать, что наши граждане уголовного законодательства не знают. Если даже от студентов-юристов приходится иной раз слышать на экзамене о том, что об-

ратная сила закона состоит в том, что закон действует «не против преступника, а... за него», а разбой отличается от грабежа тем, что, в отличие от последнего, совершается «не днем, а ночью», то что же тогда мы можем требовать от людей, никак не связанных с юриспруденцией?

Надо буквально бить тревогу по поводу правовой неграмотности нашего населения, которая, кстати, с течением времени не только не снижается, но, напротив, становится еще более значительной, углубляется. «Час суда» Павла Астахова и другие подобные телепередачи, которые сейчас мы постоянно видим на экранах наших телевизоров – это, безусловно, хорошо, но было бы, как мы полагаем, еще лучше, если бы по телевидению давались *уроки права*, которые *прицельно* разъясняли бы всем, так сказать «азы» действующего законодательства: что нам дозволено, а что не дозволено, как закон и действующие на его основе правовые учреждения реагируют на нарушение запретов, какими правами и свободами мы на самом деле располагаем, каковы наши законные интересы, какие несем обязанности, как наши права и свободы охраняются практически, что конкретно мы должны делать для реального обладания ими, чтобы эти права и свободы действительно стали сущностью и главным содержанием нашей жизни.

Основное зло, сводящее наши права и свободы практически к нулю – это преступления. Они сегодня нас окружают, можно сказать, со всех сторон. Так уж случилось, что в России в настоящее время трудно найти человека, который не подвергался бы с той или иной периодичностью различным преступным посягательствам. В основном это кражи, мошенничества, криминальные обманы в сфере торговли и оказания услуг, другие подобные преступные действия. И человек в такой криминальной обстановке должен четко себе представлять, как же ему действовать в том или ином конкретном случае, в том числе в случае, когда криминал идет на него, можно сказать, с открытым забралом. Он должен ясно понимать, как защищаться от преступления, в том числе чтобы не превысить пределы допустимой необходимой обороны. Он должен знать, что надо делать, а чего делать не следует при этом. А если зло все-таки случилось, то гражданин должен знать, как, какими действиями необходимо добиваться восстановления

нарушенной справедливости. Только тогда презумпция знания закона заработает на правопорядок в полную силу.

Весьма важна проблематика презумпции знания закона применительно к правосудию по делам о преступлениях, прямо и непосредственно ударяющих по нашим правам и свободам. С одной стороны, эти преступления совершаются практически ежедневно, повсеместно, систематически и в отношении буквально каждого человека, а с другой – если особенно иметь в виду посягательства на те права и свободы, которые люди обрели в результате многовековой борьбы за них с государством, никогда, как известно, не торопившимся сдавать свои позиции в стремлении беспредельно укреплять себя, причем, прежде всего, путем подавления человека, его прав, свобод, правосудие по делам об этих преступлениях до сих пор осуществляется все еще как-то нескладно, неспешно, вяло, без особого энтузиазма и рвения. Уголовные дела по ним практически не возбуждаются, если не считать нарушений правил охраны труда (ст. 143 УК РФ), то есть когда совершаются несчастные случаи на производстве, в строительстве, энергетике, на транспорте, в других отраслях экономики. Эти преступления обычно происходят на виду у многих людей, в ситуациях, когда льется кровь, смертельно травмируются люди, когда порой вокруг снуют дотошные журналисты, а родственники потерпевшего жалуются едва ли не во все инстанции, вплоть до Премьера и Президента. Тут, как говорится, шила в мешке уже не утаишь. Однако что касается посягательств на другие наши права, то они сплошь и рядом оказываются без надлежащего уголовно-правового реагирования.

По существу все правители в доправовом государстве изначально исходили из того, что большой, крепкой и сильной власти нужен «маленький» человек, то есть человек бедный, несчастный, бесправный и, по возможности, безграмотный. Человек же, который выправлял натруженную и избитую палками спину, который знал себе и своему достоинству цену, требовал своего, начинал, так сказать, «качать права», часто просто физически уничтожался. Вспоминается популярная в эпоху горбачевской перестройки карикатура, «гулявшая» тогда по многим газетам и журналам. По доске, над которой грозно навис громадный молоток, идут гвозди. Все те, которые были с согнутыми в направлении

молотка шляпками, спокойно проходят по доске, а по гвоздю с гордо поднятой шляпкой молоток обрушивается со всей силой и тот оказывается, естественно, вбитым в доску. Был и нет его. Намек здесь очень прост: не согнешься перед начальством – пропадешь. Но *что и как* и сегодня еще гнет нас в ту дугу, которая хотя и весьма болезненна, но в каком-то смысле и «спасительна», с этим надо еще разбираться. Сегодня, данная проблема стоит, пожалуй, даже более остро, чем она стояла на закате советской власти – по крайней мере, тогда высокопоставленные чиновники не заставляли школьников на показательных уроках физкультуры целовать им ботинки при каждом отжиме от пола, как об этом рассказало и показало телевидение в одной из своих новостных программ 11 сентября 2010 года¹.

Если говорить о нашей стране, то губительное для человека (и страны тоже) бесправье существовало не только до октября 1917 года, но в значительной мере и в советский период, когда допускалась лишь партийная (КПСС) идеология, а обсуждение вопросов о правах человека если и допускалось, то, во-первых, с тенденциозным креном «влево» (строим общество высшей социальной справедливости, все трудности – временные и т.п.), а во-вторых, с многозначительными оговорками вроде тех, что сама эта тема будто бы навязана нам Западом, что у нас, якобы, такой проблемы давно нет, что все люди живут у нас в принципе нормально. А если кто и жалуется на жизнь, то пусть потерпит, со временем все наладится – пока же пусть больше и лучше трудит-

¹ Как затем сообщала пресса, подобные факты в деятельности главы администрации Ермекеевского района Башкирии Дифгата Хантимерова, муштровавшего школьников на показательном уроке физкультуры с выкриками «Ногу целуй!» (что те и делали безропотно при каждом отжиме от пола). Школьники, их родители и жители района, хорошо знавшие о подобных выходках своего главного районного начальника, никуда не жаловались, опасаясь мести с его стороны. И только после того, как возмутительное событие было снято кем-то на мобильный телефон, показано в сети Интернет, а затем и по телевидению, было принято решение об отставке 44-летнего самодура. Тем не менее, сам Хантимеров, общаясь после этого с журналистами, ничего предосудительного в таком своем поведении не увидел, хотя и был уволен президентом Башкирии с занимаемой должности – за то, что «опозорил республику». *Майорова Т.* Ногу целуй! Кричал чиновник, заставляя отжиматься юных спортсменов // Российская газета. 2010. 14 сент. С. 10.

ся. Что же касается западных идеологов, постоянно трубивших о проблеме прав человека в СССР и других странах социалистического лагеря, то они (идеологии) в чужом глазу соринку замечают, а в своем – бревна не видят. Мы, пропитанные тогда до мозга костей всем этим словесным мусором, на убийственную в своей безапелляционности критику Запада только и могли отвечать (как в небезызвестном анекдоте той поры): «А у вас негров линчуют...». Негров в Америке давно уже не линчуют. И вообще – их давно уже там нет, а есть афроамериканцы. Назовешь в США негром темнокожего и можешь угодить под суд. Тем более сейчас, когда этой страной правит Барак Обама, предки которого являются выходцами из Эфиопии. А у нас, в России, бесправных людей – десятки и десятки миллионов. Например, в районном центре Дальнее Константиново, что в Нижегородской области, таких «негров» даже иной раз заковывают в цепи, а при желании – и убивают (информация, прошедшая по телевидению в одной из новостных передач 11 сентября 2010 года).

Роковая дата 11 сентября (день пиночетовского переворота в Чили в 1973 году и день разрушения террористами башен-близнецов в Нью-Йорке в 2001 году) отмечен в 2010 году в России информацией о, пожалуй, самых зловещих посягательствах на права человека.

Если же говорить об СССР, то ему никогда не был нужен «большой» человек. Большая страна продолжала «обходиться» ни на что не претендующими людьми, кроме, разве что, какого-то минимума «удобств» – в виде куска хлеба, крыши над головой, теплой кровати. Владельцы цветного телевизора, японского магнитофона и особенно автомобиля считались уже едва не небожителями. Перефразируя известные слова «вождя мирового пролетариата» В. И. Ленина (о том, что не может быть свободной нация, угнетающая другую нацию), можно сказать: страна не может быть великой, если ее населяют «маленькие» люди; страна, угнетающая своих граждан не может быть не только свободной, но и какой бы то ни было вообще – она обречена, и рано или поздно исчезает с политической карты мира, уходит в Лету.

Ситуация в нашей стране начала меняться с приходом в 2000 году к президентству В. В. Путина. А затем и Д. А. Медведева в 2008 году – с переходом В. В. Путина к руководству Правитель-

ством. Что нас в данном случае радует? Получил поддержку малый и средний бизнес, постепенно стал формироваться средний класс, худо-бедно поставлены под контроль олигархи и крупные чиновники, начался вывод экономики из тени и из-под сырьевой зависимости, укрепился рубль, в страну пошли инвестиции, развернуто наступление на коррупцию, ожили армия, морской и воздушный флот, активизировалось сотрудничество нашей страны с другими государствами, замедлилось снижение численности населения, все смелее начали заявлять о своих нуждах регионы, многие люди улучшили свои жилищные условия, они лучше стали одеваться и питаться, в квартирах начала появляться добротная и красивая мебель (а старая теперь все чаще выставляется у подъездов и ее разбирают садоводы для обустройства своих домиков на садово-огородных участках), современная электроника, в том числе компьютерная (у тех же подъездов, наряду со старыми телевизорами, все чаще выставляются также компьютеры устаревших моделей), нескончаемым потоком отправляются на утилизацию старые машины, а взамен приобретаются новые, в том числе иностранного производства, многие семьи уже обзавелись двумя и даже тремя автомобилями, постепенно выравнивается положение с известными застарелыми нашими бедами (по крайней мере, с одной из них – с дорогами), по существу у всех, включая школьников, появились мобильные телефоны. Автору этой статьи довелось еще лет пять тому назад как-то наблюдать у пункта приема посуды, как какой-то опустившийся тип, сдав бутылки, звонил по своему мобильному телефону приятелю – мол, все в порядке, деньги есть, приходи, продолжим «квасить». Короче, права человека постепенно стали переводиться из плоскости благих пожеланий в сферу реальной действительности. Если дело так пойдет и дальше, то, как шутят острословы, «скоро у нас каждая собака начнет заявлять о своих правах».

Между тем, в настоящее время проблема с правами человека остается в нашей стране все еще довольно острой. Для того, чтобы что-то нормальное построить на садовом участке, отремонтировать квартиру, приобрести добротную мебель, да еще без дефектов, купить нужное лекарство, получить страховое возмещение за поврежденную машину, добиться розыска и наказания преступника, похитившего из гаража какие-то ценные вещи, до-

биться замены сломанного вандалами почтового ящика в подъезде на новый, ремонта того же подъезда, стены которого постоянно уродуются подростками, надо пройти по существу все круги ада, убить уйму времени, потерять из-за нервозности годы жизни, и зачастую так ничего и не добиться. Мы уже не говорим здесь о систематическом попрании наших прав в предприятиях торговли и предоставления услуг, в общественном транспорте, на железнодорожном и воздушном транспорте, в сфере трудовых, деловых и служебных отношений. Добиться справедливости у нас часто бывает не легче, чем, скажем, слетать на Марс и вернуться обратно живым и невредимым.

Особо много неприятностей достается гражданам в связи с различными преступными посягательствами на их законные интересы. Фактически они становятся потерпевшими дважды: первый раз – от действий преступников, а второй – от действий сотрудников милиции, делающих, как правило, все для смягчения участи преступников. Если, конечно, их вообще не удастся «отмазать» от ответственности, отказывая в возбуждении уголовного дела – например, «по малозначительности» или по какому-либо иному надуманному поводу. Сложилась в корне порочная практика, когда «объяснения» пострадавшего даются не самим им, а сотрудником милиции, который затем буквально заставляет (под угрозой – «еще хуже будет») сделать под лживыми и к тому же безграмотными каракулями сотрудника надпись: «Мною прочитано. С моих слов записано верно. *Подпись. Дата*».

В результате получается так, что, как показали результаты всероссийского опроса фонда «Общественное мнение», доминирующим отношением россиян к своей стране является чувство стыда. По крайней мере, почти две трети опрошенных граждан России (64 %) испытывают именно такое чувство¹.

Все это обязывает исследовать проблему прав человека глубоко, всесторонне, полно и, конечно же, со знанием дела.

Если говорить об уголовно-правовом ракурсе данной проблемы, то, прежде всего, бросается в глаза дисбаланс между размахом прав человека, установленных Конституцией РФ, и

¹ См.: С чувством стыда и гордости (редакционный материал) // Нижегородский рабочий. 2010. 14 сентября. С. 6.

«скромностью» охраны этих прав от преступлений в Уголовном кодексе РФ, а следовательно, и в реальной практике уголовного правосудия, не говоря уже о «скромности» тех прав и свобод, которыми мы реально обладаем. Если человек, возвращаясь из садового города, совсем даже не уверен в том, что его садовый домик в отсутствие хозяев не обворуют, не повредят, не сожгут, а его самого по пути домой не разденут грабители, не оберут до нитки охотливые до подношений сотрудники ГИБДД, не обворуют вызываемые на дом врачи скорой помощи, сантехники, разносчики всякого рода продукции (например, чистой питьевой воды), не унижат пьяные хулиганы, если он, опасаясь тех же хулиганов, наркоманов, разбойников и убийц, не показывается на улице в темное время суток, а в светлое – постоянно на работе смотрит начальнику в рот, чтобы тот ненароком его не уволил после очередной мелочной придирки, то о каких правах человека можно говорить вообще? Ведь все это – не досужие выдумки склонного к фантазии интеллекта, а вполне реальная повседневная и повсеместная наша действительность¹.

Вместе с тем, Конституция РФ устанавливает в своей второй главе (ст. 17–56) *довольно широкий* комплекс прав и свобод человека и гражданина. Так как трудно провести более или менее отчетливую грань между *правами*, с одной стороны, и *свободами* – с другой (сказав, что вот вам, мол, *права*, а вот – *свободы*), то в дальнейшем в целях унификации терминологии речь пойдет только о *правах*, в том числе в необходимых случаях – о *правах на ту или иную свободу* (например, на свободу слова, совести, мнений, убеждений и т.д.)

Конечно, мы отдаем себе отчет в том, что *права* – это те или иные *конкретные* предоставляемые человеку возможности, а *свободы* – это возможности, так сказать, *широкого диапазона*, но все же суть тех и других – в принципе одна и та же, поскольку как те, так и другие есть ни что иное, как предоставляемые человеку законом или признаваемые законом возможности, то есть

¹ См., напр.: *Потапова Ю.* Разбой с доставкой. Днем бандиты развозили по офисам питьевую воду, а ночью грабили их // Российская газета. 2010. 15 сент. С. 2; *Новоселова.* Вы уволены! Почему у нас нет культуры развода с работодателем // Российская газета. 2010. 15 сент. С. 11.

разрешения, дозволения и т.д. В то же время в тех же целях (целях унификации терминологии) мы не будем каждый раз указывать на то, что речь идет о правах *человека и гражданина*, а будем ограничиваться, как правило, указанием лишь на права *человека*. Кстати, именно такой прием использует и сама Конституция РФ – например, в ст. 2.

Для наглядности воспроизведем здесь весь комплекс предусмотренных Конституцией РФ прав человека. Всего их, по нашим подсчетам – 111, а с учетом множественного характера отдельных прав (например, право сообщений – почтовых, телеграфных, иных), общее их количество составляет 140.

Интересы темы требуют изложить конституционные положения о правах человека именно во всей их полноте. Такая необходимость диктуется не только интересами темы и требованиями объективности исследования, не только задачей преобразования нередко довольно общих, может быть, где-то даже излишне декларативных, порой весьма отвлеченных, крайне абстрактных и даже подчас иносказательных положений Конституции РФ о правах человека в положения вполне конкретного, доступного для широкого понимания характера, но и необходимостью «перевода» соответствующих конституционных положений на *общепринятый* в юридической литературе язык, в котором каждое право человека должно получать наиболее точное и выразительное звучание. Особенно это важно для трактовки конституционных прав человека в контексте задач их уголовно-правовой охраны, когда требования недвусмысленности, точности, четкости языка закона приобретают характер по существу принципа, не подлежащего обсуждению.

Тем не менее, эти же основания требуют изложения прав человека именно в той последовательности, в которой они установлены в Основном законе. Конечно, систематизации, структуризации и классификации нужны, но, прежде всего, все же важно видеть изучаемые явления такими, какими они представляются нашему первоначальному взгляду. В данном случае имеет место как раз тот случай, когда внешняя видимость вещей не только не является обманчивой, но, напротив, дает нам истинную их картину. Попытки первоначального рассмотрения конституционных прав человека в какой-то иной последовательности (по сравнению с той, которая принята в Конституции РФ) имеют, пожалуй,

больше «минусов» чем «плюсов», поскольку при этом утрачивается та принятая в Основном законе логика, без которой уяснение сути каждого отдельного права оказывается не только неполным, но нередко и неточным.

Итак, Конституция РФ устанавливает: право на равенство всех перед законом и судом, право на жизнь, в том числе право обвиняемого в совершении особо тяжкого преступления против жизни, за которое может быть назначена смертная казнь, на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, право на достоинство, телесную неприкосновенность, на свободу, в том числе на свободу от медицинских, научных и иных опытов, на иную личную неприкосновенность, на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну, на защиту своей чести и доброго имени, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, право человека на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, право на неприкосновенность жилища, право человека определять и указывать свою национальную принадлежность (или не определять и не указывать ее), право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества, право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, право свободно выезжать за пределы Российской Федерации и беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию, право на свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими религию или не исповедовать ее вообще, в том числе никакую, право свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними, право на свободу мысли и слова, агитацию и пропаганду (за исключениями агитации и пропаганды, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду, и за исключением пропаганды социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства), право на свободу мнений и убеждений, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (если речь не идет о государственной тайне или иной конфиденциальной информации), право на свободу массо-

вой информации, право на объединения, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов, право на свободу деятельности в рамках общественных объединений, право на участие или не участие в общественном объединении, на вступление или не вступление в него, на пребывание в нем и на выход из него, право на собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирование, право участвовать в управлении делами государства – как непосредственно, так и через своих представителей, право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, право на участие в референдуме, право на равный доступ к государственной службе, право на участие в отправлении правосудия, право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, право на использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (за исключением экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию), право частной собственности, наследования, право частной собственности на землю, а также на другие природные ресурсы, право на свободу труда и на свободу от принудительного труда, на свободу распоряжаться своими способностями к труду, на выбор рода деятельности и профессии, право на безопасный, безупречный в гигиеническом отношении, возмездный (оплачиваемый не ниже установленного законом минимального размера) труд, на труд без дискриминации, право на защиту от безработицы, право на индивидуальные и коллективные трудовые споры – с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения, включая право на забастовку, право на отдых, на ограниченную продолжительность рабочего времени, на выходные и праздничные дни, на оплачиваемый ежегодный отпуск, право на защиту государством материнства и детства, семьи, право на заботу о детях, на их воспитание, право нетрудоспособных родителей на заботу со стороны своих трудоспособных детей, достигших 18-летнего возраста, право на социальное обеспечение по возрасту, а также в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом, право на государственные пенсии

и социальные пособия, право на пользование дополнительно устанавливаемыми законом формами социального обеспечения и благотворительностью, право на жилище, в том числе право малоимущих и иных указанных в законе граждан на бесплатное и оплачиваемое по доступным тарифам жилище из государственных, муниципальных и других жилищных фондов – в соответствии с установленными законом нормами, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, в том числе на медицинскую помощь, оказываемую в государственных и муниципальных учреждениях бесплатно – за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений, право на благоприятную окружающую природную среду, на достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением, право на образование, на общедоступность школьного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях, право на конкурсной основе бесплатно получать высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии, право на свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, на свободу преподавания, на интеллектуальную собственность, на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям, на государственную защиту прав и свобод, право человека на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом, право на судебную защиту прав и свобод, на обжалование решения и действия (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц в суде, на обращение за защитой прав и свобод в соответствующие межгосударственные органы – в соответствии с международными договорами РФ, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты, право обвиняемого в совершении преступления на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, право обвиняемого в совершении преступления на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей – в случаях, предусмотренных федеральным законом, право

человека на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе оказываемой в предусмотренных законом случаях бесплатно, право каждого задержанного, заключенного под стражу, обвиняемого в совершении преступления на пользование помощью адвоката (защитника) – с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения, право обвиняемого в совершении преступления требовать, чтобы его считали невиновным – по крайней мере до тех пор, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу обвинительным приговором суда, право обвиняемого в совершении преступления до вступления в силу обвинительного приговора не доказывать свою невиновность, поскольку он (обвиняемый) и без этого считается невиновным, право обвиняемого в совершении преступления на невиновность в случае наличия в деле неустранимых сомнений в его виновности – так как такие сомнения толкуются в его пользу, право на недопустимость повторного осуждения за одно и то же преступление, право обвиняемого в совершении преступления игнорировать доказательственную силу обвинительных аргументов, полученных с нарушением федерального закона, право осужденного за преступление на пересмотр приговора вышестоящим судом – в порядке, установленном федеральным законом, право осужденного просить о помиловании или смягчении наказания, право человека не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом, право на освобождение от обязанности давать свидетельские показания в иных случаях, предусмотренных федеральным законом, право потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью на охрану законом, на доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением или злоупотреблением властью ущерба, право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, право человека на применение к нему вновь принятого более мягкого закона (как и закона, устраняющего ответственность) и недопустимость применения к нему нового более строгого закона (как и нового закона, устанавливающего ответственность), право человека на недопустимость отри-

цания или умаления его прав и свобод, если пользование таковыми не ущемляет прав и свобод другого человека, право на недопустимость издания законов, отменяющих или умаляющих права и свободы, право на недопустимость ограничения прав и свобод, если это не делается в силу сложившейся острой необходимости – в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства – посредством издания соответствующего федерального закона, в том числе в условиях чрезвычайного положения, вводимого в соответствии с федеральным конституционным законом – с указанием пределов и сроков действия данного закона.

Многие из приведенных конституционных права человека, так или иначе, охраняются от преступлений уголовным законодательством – практически всеми статьями Особенной части Уголовного кодекса РФ. Установленные же Конституцией РФ права человека, обретенные в результате многовековой борьбы народа с государством, изначально всемерно ограничивавшим эти права, но затем вынужденным все же признать, прицельно охраняются от преступлений статьями главы 19 УК РФ (ст. 136–149). Это – право на равенство перед законом и судом, на неприкосновенность частной жизни, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, на неприкосновенность жилища, на предоставление человеку интересующей его информации, на участие в выборах и участие в референдуме, на охрану труда, право журналистов на их законную профессиональную деятельность, право на труд беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, право на своевременное получение заработной платы, пенсии, стипендии, пособия и иных выплат, авторские и смежные права, изобретательские и патентные права, право на свободу совести и вероисповеданий, право на проведение собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования и на участие в этих мероприятиях (всего 18 прав, а с учетом их «множественности» – 41 право).

Таким образом, простое сопоставление приведенных перечней прав человека – с одной стороны, установленных Конституцией РФ, а с другой – охраняемых от преступлений Уголовным кодексом РФ, показывает, что *целый ряд прав человека*, завоеван-

ных им в его длительной и ожесточенной борьбе с государством, вынужденным, в конце концов, как уже отмечалось, признать их (по крайней мере, формально, то есть если не *de facto*, то хотя бы *de ure*), оказались не охваченными уголовно-правовой охраной. В числе таковых, например, следующие права человека: право человека на недопустимость проведения над ним (без его добровольного на то согласия) медицинских, научных или иных опытов, право человека определять и указывать свою национальную принадлежность (или не определять и не указывать ее), право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества, право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, право свободно выезжать в Российскую Федерацию и беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию, право на свободу мысли и совести, право на не запрещенную законом агитацию и пропаганду, право на свободу мнений и убеждений, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, право на объединения, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих законных интересов, право на свободу деятельности общественных объединений, на вступление или не вступление в общественное объединение, на пребывание в нем и на выход из него, право на равный доступ к государственной службе, право на участие в отправлении правосудия, право на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, право на забастовку, право на отдых, на жилище, на медицинскую помощь, на достоверную информацию о состоянии окружающей природной среды, на образование, на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям, на получение квалифицированной юридической помощи, право обвиняемого в совершении преступления требовать, чтобы его никто не считал виновным – по крайней мере, до тех пор, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу обвинительным приговором суда, право потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью на доступ к

правосудию и компенсацию причиненного преступлением или злоупотреблением властью ущерба, право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц.

Ряд конституционных норм о правах человека получил в уголовном законодательстве не полное, усеченное отражение. Например, если п. 2 ст. 19 Конституции РФ провозглашает принцип равенства прав и свобод человека и гражданина с указанием на то, что такое равенство гарантируется независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также *других обстоятельств*, то ч. 1 ст. 136 УК РФ, устанавливающая ответственность за нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина, содержит *закрытый* перечень обстоятельств, в зависимости от которых совершается подобное нарушение (то есть без указания на названные в п. 2 ст. 19 Конституции РФ *другие обстоятельства*, какими могут быть, например, такие не относящиеся к делу обстоятельства, как особенности прически человека, его лица, мимики, манера одеваться, рост, походка, наличие у мужчин усов, бороды, косички, серьги в ухе, общий внешний вид и т.п. Формулировка диспозиции ч. 1 ст. 136 УК не соответствует не только п. 2 ст. 19 Конституции РФ, но и ст. 4 УК РФ, устанавливающей принцип равенства граждан перед законом с указанием на то, что лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо не только от тех обстоятельств, которые прямо названы в упомянутой выше конституционной норме (пол, раса, национальность, язык и т.д.), но и от тех, которые названы в ней как *другие обстоятельства*.

Но эти самые «другие обстоятельства» могут быть разными, в том числе такими, которые *могут* потребовать учета при решении вопроса об ответственности и наказания лица, совершившего преступление. В числе их – возраст, физические недостатки, болезни, особенности интеллектуально-волевого развития, степень осведомленности в ситуации фактического и правового характера и т.д. Поэтому важно, во-первых, диспозицию ч. 1 ст. 136 УК РФ дополнить указанием на упоминавшиеся выше «другие обстоя-

тельства», а во-вторых, в п. 2 ст. 19 Конституции РФ, а также в ст. 4 УК РФ и в диспозиции ч. 1 ст. 136 УК РФ необходимо указать на *другие обстоятельства*, сопроводив такое указание ссылкой на то, что речь идет в данном случае о таких *других обстоятельствах*, которые *не имеют отношения к делу*, то есть к вопросу, который в том или ином конкретном случае рассматривается по существу – например, к вопросу о приеме на работу, о поступлении в вуз, о продвижении по службе, о привлечении к ответственности, назначении и исполнении наказания и т.д.

Отмеченный выше дисбаланс в правах человека, с одной стороны, установленных Конституцией РФ, и, с другой – охраняемых от преступлений уголовным законодательством, нуждается в устранении – прежде всего, путем дополнения главы 19 УК РФ соответствующими новыми статьями и нормами.

При этом нельзя не отметить и того, что сохраняются определенные резервы для дополнения и самой Конституции РФ некоторыми новыми положениями о правах человека. Например, было бы, на наш взгляд, целесообразным дополнить ее правом граждан на критику. Кстати, еще Конституция бывшего СССР (1977 года) в своей 49-й статье устанавливала: «Преследование за критику запрещается. Лица, преследующие за критику, привлекаются к ответственности». В соответствии с этим конституционным положением действовавший тогда УК РСФСР 1960 г. был дополнен статьей об ответственности за это общественно опасное деяние. Совершенно очевидно, что такая статья необходима и в ныне действующем уголовном законодательстве.

Конституционное право на труд важно конкретизировать указанием на *адекватную его оплату*, право на информацию – указанием на то, что эта информация должна быть *достоверной и достаточно полной*, право на возмещение вреда – указанием на возмещение причиненного вреда, в том числе *связанного с потерей времени на хождение гражданина по инстанциям по поводу данного вреда и его возмещения, включая указание на возмещение нанесенного морального вреда*, право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц – указанием на право на возмещение *органом местного самоуправления* вреда, причиненного незаконными действиями

(или бездействием) *этого органа* (а также действиями его должностных лиц). Соответственно требуется внесение необходимых дополнений и в уголовное законодательство¹.

Совершенно очевидно, что последовательность изложения прав человека в Конституции РФ должна больше увязываться с требованиями логики. Так, вначале в Основном законе должны излагаться личностные права человека, затем – права профессиональные, а уже потом – права социальные и политические. Соответственно этому должна быть выстроена и последовательность норм об охране конституционных прав человека в уголовном и административном законодательстве.

Следующим шагом в направлении совершенствования уголовно-правовой охраны прав человека должно стать, как мы полагаем, включение в структуру всех звеньев (этажей) государственной власти подразделений (департаментов, отделов, других структур) по правам человека, которые отслеживали бы состоя-

¹ Согласно справке «Российской газеты», сопровождавшей публикацию на тему о судебной практике последнего времени по размерам компенсаций причиненного человеку морального вреда (см.: Куликов В. Обида в переводе на рубли. Предлагается привязать компенсации за моральный вред к зарплате обидчика // Российская газета. 2010. 14 сент. С. 11), эти размеры колеблются в определенных пределах. Напр., размер компенсации морального вреда, причиненного в связи с: продажей некачественного товара, определяется, как правило, в пределах до 5 тыс. руб., задержкой вылета самолета – до 8 тыс. руб., избиением сотрудником ГИБДД нарушителя правил дорожного движения – до 20 тыс. руб., изнасилованием малолетней девочки – до 50 тыс. руб., производственной травмой (с переломами) – до 100 тыс. руб., ударом кулаком в лицо – до 100 тыс. руб., осуждение невиновного к лишению свободы – 250 тыс. руб. (за каждый год, проведенный незаконно осужденным в местах лишения свободы), гибелью младенца при родах по вине акушера – до 500 тыс. руб., убийством человека (размер компенсации морального вреда, причиненного родным убитого) – до 800 тыс. руб., пытками в милиции – до 2 млн. руб. Совершенно очевидно, что при решении такого рода вопросов учитываются не только тяжесть и характер причиненного морального вреда, но и глубина и продолжительность испытываемых потерпевшим по данному поводу нравственных страданий (характер и степень «незаживающей раны», то есть обиды, переживаний и т.д.), а также социальный статус той и другой стороны, их имущественное положение, имидж, обстановка, позиция близких, коллег, знакомых, освещение события в прессе, отношение к нему общественности, характер общественного резонанса и т.д.

ние дел в области прав человека и при необходимости инициировали бы обращения по поводу допущенных нарушений в суд.

Существующая практика, когда все уголовные дела о посягательствах на права человека являются *фактически* делами частного обвинения (есть заявление – есть дело; нет заявления – нет дела) должна уйти в прошлое. Гражданин, которого, например, грубо оскорбил начальник, незаконно лишил премии за квартал или по итогам года, которого обманул на довольно значительную сумму продавец или «обхулиганил» пьяный дебошир, обычно ограничивается тем, что «зализывает» нанесенные ему и его кошельку раны, жалуясь любому «встречному-поперечному» на «чинимые в стране безобразия» (куда, мол, смотрят милиция, губернатор, президент, премьер.., когда, наконец-то, все это прекратится...). Идет никому не нужная дискредитация власти. А, между тем, во всех подобных случаях должна действовать «скорая помощь» в форме уголовного и сопутствующего ему правосудия. Дела о нарушениях прав человека должны рассматриваться судами в первоочередном порядке.

Граждане, весьма чувствительные в большинстве своем к несправедливостям, допущенным в отношении других людей, часто просто проглатывают эту «горькую пилюлю», когда дело касается их самих: сам, мол, виноват в том, что «лопухнулся»; в следующий раз буду осмотрительнее... Но вот наступает этот самый «следующий раз», и все снова повторяется в том же виде, то есть нарушение опять остается без должного правового реагирования. Несправедливость, между тем, умножается, а справедливость соответственно мельчает, сокращается. Именно для предупреждения всего этого и нужен институт департаментов (отделов, отделений, других структур) по правам человека. Предлагаемый институт так называемого коллективного «омбудсмана», естественно, не отменяет необходимости в уже существующем институте уполномоченных по правам человека – одно здесь не только не мешает другому, но и, напротив, взаимодополняет, усиливая возможности общего дела охраны прав человека.

И, конечно же, важно, чтобы граждане хорошо знали свои права, исходили из того, что их права – это не только их личное дело, но и – сила и мощь правового государства. И если они нарушаются, то нарушаются, следовательно, и устои государства,

власти, общества в целом. Здесь, как нигде, должно действовать правило неотвратимости ответственности – особенно в отношении тех нарушителей, которые являются должностными лицами и, в силу одного своего должностного положения, сами обязаны стоять на страже прав человека.

Сегодня мы уже не можем требовать от граждан, чтобы он сами «воевали» за свои права, исходя из расхожей шутки «Спасение утопающих – дело самих утопающих». Государство, претендующее на статус правового, должно, прежде всего, само протянуть «утопающему» свою твердую и надежную руку помощи и поддержки. Сейчас государство уже не может себе позволить ждать от граждан криков о помощи: «Спасите!», «Помогите!» и т.д. Как это происходило, например, в жаркое лето 2010 года, когда только после того, как от природных пожаров заживо сгорели в охваченных ими селениях десятки людей, сверху, наконец-то, последовала команда спасти леса, деревни, села, поселки, людей. И принимать меры против ширящихся заболеваний, в том числе сопряженных со смертельным исходом. Но время было в значительной мере упущено¹.

Государство должно работать в таких случаях на опережение. И, прежде всего, путем снабжения людей необходимыми для них

¹ Как затем констатировало минздравсоцразвития, резкий рост смертности, связанной с жарой летом 2010 года, «может свидетельствовать об отсутствии адекватных мер оперативного реагирования системы здравоохранения в экстремальных условиях» (*Невинная И.* Солнечный удар. Минздравсоцразвития обнародовал печальную статистику лета // Российская газета. 2010. 31 авг. С. 2). Конкретика опубликованной статистики такова: «...Аномально жаркий июль и, особенно, задымленность из-за лесных пожаров привели к резкому ухудшению состояния здоровья многих людей. И это не замедлило сказаться на росте смертности. Количество трагически закончившихся инсультов, инфарктов выросло в июле на 10,6 процента. Это – в среднем по стране. Регионах, которых «накрыло» дымом, этот показатель был перекрыт в 1,5–2 раза. Напр., в Нижегородской области количество смертей по сравнению с июлем прошлого года выросло более чем на 20 процентов, во Владимирской и Ивановской областях – на 18 процентов, Московской и Тульской – на 17. Самая серьезная ситуация сложилась в превратившейся в раскаленную духовку Москве – здесь смертность выросла в 1,5 раза. И практически повсеместно выросло количество несчастных случаев на водоемах: потеряно людей на 45,2 процента больше...» (там же).

правовыми знаниями. Старую советскую идею о «правовом всеобуче» придется все же реанимировать. И поставить дело правового просвещения населения, как говорится, на широкую ногу. Отчасти эта задача уже решается – путем, можно сказать, массового похода граждан за юридическим образованием в вузы, в том числе негосударственные, за собственный счет. Интуитивно понимая, что «прав тот, у кого больше прав», люди стали осознавать и то, что *больше* прав может быть только у того, кто их лучше знает. А знает их лучше, конечно же, тот, кто их изучает – профессионально или, так сказать, «самоуком», в том числе с использованием появляющихся новых форм – например, Интернета.

Библиографический список:

1. *Потапова Ю.* Разбой с доставкой. Днем бандиты развозили по офисам питьевую воду, а ночью грабили их // Российская газета. 2010. 15 сент.
2. *Куликов В.* Обида в переводе на рубли. Предлагается привязать компенсации за моральный вред к зарплате обидчика // Российская газета. 2010. 14 сент.
3. *Невинная И.* Солнечный удар. Минздравсоцразвития обнаружил печальную статистику лета // Российская газета. 2010. 31 авг.